

За более чем 250-летнюю историю этнографического изучения народов Кавказа¹ накопилась обширная литература, в которой уже давно стало довольно сложно ориентироваться. Первые попытки библиографической систематизации кавказоведческой литературы предпринимались еще дореволюционными авторами². В советской науке подобную цель поставил перед собой М. О. Косвен, опубликовавший весьма ценный и широко известный среди кавказоведов труд «Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке»³. Во всех названных изданиях в той или иной степени была обобщена и этнографическая литература по Азербайджану, однако даже лучшая из имеющихся на сегодняшний день библиографий (М. О. Косвена) страдает известной неполнотой и проблемами. Поэтому задача глубоко проследить историю этнографического изучения народов Кавказа, в частности азербайджанцев, не потеряла своей актуальности.

Выход в свет работы Э. А. Керимова, безусловно, шаг вперед в разработке названной проблемы. Впервые история этнографического изучения Азербайджана представлена в монографическом очерке, охватывающем период с XVIII в. до последних предреволюционных десятилетий. Это стало возможным благодаря тщательной и скрупулезной работе автора по выявлению в многочисленных периодических и повременных изданиях статей и заметок, а также книг, содержащих хоть какую-то информацию по этнографии азербайджанцев. В ряде случаев Э. А. Керимов дополняет библиографию М. О. Косвена, либо расширяя известный круг авторов, писавших об Азербайджане, либо давая сведения о публикациях, в свое время не учтенных в «Материалах...». Историю накопления этнографических сведений об Азербайджане автор делит на три периода (XVIII — первая четверть XIX в.; 30—60-е годы XIX в.; 70—90-е годы XIX в.). Этим периодам и соответствуют три главы монографии. Каждая работа анализируется с точки зрения содержащейся в ней этнографической информации, при этом сообщаются краткие биографические сведения об авторах. В поле зрения Э. А. Керимова попадает этнографическая литература не только по азербайджанцам, но и по талышам, татам, удиам, Джаро-Белокашским «вольным» обществам, что повышает познавательную ценность рецензируемой книги. Одним словом, перед нами ценное исследование, которое с интересом встречено специалистами.

Однако не со всеми положениями автора можно согласиться. Прежде всего вызывает возражение предлагаемая периодизация истории этнографического изучения Азербайджана. Начиная ее с XVIII в., автор тем самым опускает довольно длительный период, на протяжении которого также происходило накопление сведений об интересующем нас регионе. Примечательно, что Э. А. Керимов упоминает в тексте и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, и сочинение Ф. А. Котова о его путешествии 1623 г. через Азербайджан в Персию, и многочисленные статейные списки русских посольств XVII в. в восточные страны, но не включает эти материалы в единый историографический ряд с работами последующего времени. Между тем как бы ни были кратки и отрывочны содержащиеся в них сведения, они являются первыми свидетельствами знакомства русских людей с Азербайджаном, первыми драгоценными источниками по его этнографии. Поэтому мне представляется, что нижний рубеж периодизации следовало бы опустить по крайней мере на 200 лет, быть может, выделив эти два века в самостоятельный период.

С другой стороны, непонятно, почему автор довел свое исследование лишь до 90-х годов XIX в. Почему опущены почти два десятилетия начала нынешнего столетия? Хотя в этот период этнографическая литература по Азербайджану явно оскудела, но все же определенное накопление происходило. Поэтому последний этап этнографического изучения Азербайджана в дореволюционной русской науке логичнее было довести до 1917 г.

Трудно признать правильной и данную в монографии оценку трудов ряда авторов 20-х годов XIX в. Считая, что Х. Х. Стевен, Э. И. Эйхвальд и некоторые другие бытописатели того времени не внесли ничего нового в наши знания этнографии Азербайджана, Э. А. Керимов упоминает о них только в сноске. Между тем и Х. Х. Стевен, и Э. И. Эйхвальд лично посетили Азербайджан и их записки — это впечатления непосредственных наблюдений местного быта. Даже если их сведения в общих чертах повторяют информацию предшественников, они ценны уже тем, что зафиксировали состояние бытовой культуры азербайджанцев на следующем, современном им хронологическом этапе, показав в данном случае стабильность изучавшихся элементов. Для сравнения укажу, что по своему ценному, но откровенно компилятивному труду П. Зубова «Картина Кавказского края» автор уделяет достаточно много места. Мне представляется, что в соответствии со вкладом, который Х. Х. Стевен, Э. И. Эйхвальд и другие внесли в историографию проблемы, их сочинения заслуживают более подробного и вдумчивого анализа.

¹ Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России.— Кавказский этнографический сборник (далес — КЭС). VI. М.: Наука, 1976.

² См., например: Дубровин П. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 3.— Библиографический указатель источников. СПб., 1871; Миансаров М. М. *Bibliographia caucasica et transcaucasica*. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих, т. I, отд. 1, 2. СПб., 1874—1876.

³ КЭС. I, М.: Изд-во АН СССР, 1955; II. М.: Изд-во вост. лит., 1958; III, М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Основное внимание Э. А. Керимов уделяет опубликованным работам, однако в рецензируемой монографии есть информация и об архивных материалах, в которых отложились сведения об Азербайджане. Это, конечно, ценно. Однако соответствующие части монографии недостаточно органично включены в ткань основного повествования и стоят в тексте несколько особняком. Вообще мне представляется, что обзор архивных материалов следовало дать отдельной главой главным образом из-за неодинаковой роли, которую играли опубликованные работы, с одной стороны, и архивные материалы — с другой, в дальнейшем развитии этнографического изучения Азербайджана. Первые сразу становились достоянием читающей публики и специалистов, часто цитировались в последующих публикациях, а лица, выезжавшие с научными целями в Азербайджан, могли начинать с них знакомство со страной и ее народом. Рукописи же, годами погребенные в архивохранилищах, остались по существу не вовлеченными в научный оборот и, следовательно, не смогли оказать существенного влияния на развитие русско-азербайджанских этнографических связей.

В то же время давно назрела необходимость планомерного и целенаправленного изучения богатейших фондов архивохранилищ страны для выявления содержащихся в них материалов по этнографии народов Кавказа. Публикатор соответствующих изысканий окажет неоценимую услугу кавказоведению, ибо исследователи получат ключ к совершенно новой, практически не использованной информации по исторической этнографии народов региона; одновременно появится возможность дополнить историографию этнографического кавказоведения весьма важной и до сих пор ненаписанной главой — труд, который в полной мере еще не взял на себя ни один кавказовед. Заявка Э. А. Керимова также осталась по существу нереализованной, так как предпринятый им обзор архивных материалов по Азербайджану мало чем дополняет сведения, сообщенные в свое время М. О. Косвеню.

Автора можно также упрекнуть в недостаточном внимании к материалам периодической печати. Между тем дореволюционные кавказские газеты всегда уделяли особое внимание быту и культуре местных народов, описанию их нравов и обычаев. В них сосредоточены ценнейшие, порой уникальные этнографические сведения. Наиболее насыщенной этнографическими материалами по Азербайджану была газета «Каспий», выходившая в Баку с 1880 по 1916 г. Немало публикаций, освещавших различные стороны этнографии азербайджанского народа, помещалось и в газетах «Кавказ», «Закавказский вестник», возможно, и в других периодических изданиях — трудоемкая работа по их выявлению, вероятно, еще впереди. Однако ясно, что эти материалы, равно как и их авторы, должны занять подобающее место в историографии этнографического кавказоведения.

Из сказанного очевидно, что разыскания в области истории этнографического изучения народов Кавказа необходимо продолжить. Хочется надеяться, что книга Э. А. Керимова не последняя в ряду специальных исследований, посвященных этой важной проблеме.

Ю. Д. Анчабадзе

Проблемы этногенеза калмыков. Элиста: Изд-во Калмыцкого НИИ истории, филологии, экономики, 1984, 120 с.

Этногенезу и этнической истории калмыков и ойратов Джунгарии в настоящее время уделяется значительное внимание. Из публикаций последних лет прежде всего следует назвать монографию У. Э. Эрднева «Калмыки. Историко-этнографические очерки», третье издание которой вышло в 1985 г., статьи Н. Ш. Ташникова, Н. Ц. Корсункиевой, Г. О. Авляева, А. Г. Митирова, В. П. Дарбаковой и других специалистов по истории и этнографии Калмыкии. Новый сборник, в котором приняли участие ученые Калмыкии, Бурятии, Казахстана, а также московские исследователи, вносит посильный вклад в изучение этой сложной и многообразной проблемы.

В сборнике представлены три группы тем: источники по этногенезу и этнической истории ойратов и калмыков; различные аспекты собственно этногенеза этих народов; расселение калмыков и ойратов.

К первой тематической группе относятся статьи Р. Е. Пубаева об историческом сочинении кукуюрского ученого XVIII в. Сумба-Хамбо «Пагсам-чжонсан» и Г. С. Горюховой о труде Лубсан Данзана «Алтан Тобчи» (конец XVII — начало XVIII в.).

Рассматривая генеалогические таблицы джунгарских, хошоутовских и торгоутовских нойонов, приведенные в сочинении Сумба-Хамбо, Р. Е. Пубаев указывает, что в них достаточно полно отражена пестрая картина социально-политической и этнической жизни Монголии в XIII в. — середине XVIII в. Интересны приводимые в «Пагсам-чжонсан» социальная терминология и сведения о расселении трех групп ойратских племен. Несомненно, сочинение Сумба-Хамбо — важный, но пока недостаточно изученный источник по истории и этнографии калмыков, дальнейшее исследование которого еще впереди.

Не менее интересен и важен для исследования вопросов этнической, социальной и политической истории другой источник — труд Лубсан Данзана «Алтан Тобчи», напи-